

ного плана действия: ядром пресс-релиза является одно действие, событие или сообщение. Преимущественное использование прошедшего простого и настоящего совершенного времени объясняется необходимостью актуализировать информацию и отражает тенденцию к соотношению всех действий с моментом речи – завершённость действия в прошлом.

Простые распространённые предложения и сложные предложения с небольшим количеством придаточных, уточняющие атрибутивные и герундиальные обороты:

Mortgage loans that were not securitized, but kept on the originating lender's books, have also done poorly; When prices began to fall and loans started going bad, there was a severe shock to the financial system.

Таким образом, данный текст реализует ряд черт, свойственных PR-текстам в целом.

УДК 811.531

ББК 81.2

Библиографический список

1. Аги, У. Самое главное в PR [Текст] / У. Аги, Г. Кэмерон / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2004.
2. Виноградов, В.В. История русских лингвистических учений [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Высш. школа, 1978.
3. Бахтин, М. М. Pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. [Текст] / М.М. Бахтин. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. – Т. II.
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С.Г. Кара-Мурза. – М. : Изд-во «Эксмо», 2009.
5. Кривоносов, А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций [Текст] / А.Д. Кривоносов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.
6. Чумиков, А.Н. Связи с общественностью (теория и практика) [Текст] / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров – М. : Изд-во «Дело», 2003.
7. Jickling, M. Causes of the financial crisis (R40173). [Электронный ресурс] / М. Jickling, – Washington, DC: Congressional Research Service. – Режим доступа : http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/key_workplace/600.

Е.В. Ли

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ARGUMENTUM AD HOMINEM В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Политические деятели активно используют argumentum ad hominem (атака на личность) как прием аргументации в ходе предвыборной борьбы. Несмотря на этнокультурные различия России и Кореи, пропозициональное наполнение argumentum ad hominem в корейском и русском политическом дискурсе является универсальным. Основные ценности, положенные в основу argumentum ad hominem в русском и корейском политическом дискурсе, – «честность», «надежность», «ответственность», «законопослушность».

Ключевые слова: политический дискурс; аргументация; argumentum ad hominem; ценность; система ценностей

E. V. Li

ON UNIVERSAL VALUES UNDERLYING ARGUMENTUM AD HOMINEM IN POLITICAL DISCOURSE

Politicians actively use argumentum ad hominem as an argumentation move during election campaigns. In spite of the ethnocultural differences between Russia and Korea, the propositional content of argumentum ad hominem in Russian and Korean political discourse is similar. The main values underlying argumentum ad hominem in Russian and Korean political discourse are as follows: «honesty», «reliability», «responsibility» and «law-abidance».

Key words: political discourse; argumentation; argumentum ad hominem; value; value system

Данная статья посвящена исследованию *argumentum ad hominem* («атака на личность») в аргументативном дискурсе российских и южнокорейских политиков. Предпринимается попытка выяснить, принимает ли *argumentum ad hominem* в корейском и русском политических дискурсах этнокультурный характер или же является универсальным и типологическим. Материалом для исследования послужили выступления, интервью, обращения к избирателям, предвыборные дебаты и речи кандидатов на пост президента данных стран, участвовавших в последней предвыборной кампании (РК – декабрь 2007 г., РФ – март 2008 г.). В статье рассматриваются основные виды *argumentum ad hominem*, изучается и сопоставляется их пропозициональное содержание в корейском и русском ПД.

По определению Ф. Еемемерена и Р. Гроотендорста, «*argumentum ad hominem* – это речевой акт, в ходе которого осуществляется критика оппонента с целью его дискредитации. В данном случае не уделяется никакого внимания приемлемости самого утверждения. Оппонент изображается как необразованный, глупый, ненадежный или непоследовательный человек, в результате чего доверие к нему утрачивается» [Eemeren, 2000, с. 416–435].

Как отмечает Д. Уолтон, в конце XX века аргументы *ad hominem* стали весьма распространенной тактикой в предвыборных «негативных кампаниях». Личностная критика оказалась настолько эффективной, что даже осуждающие ее политики не могут позволить себе полностью от нее отказаться. Легко используемые для обвинения, трудно опровержимые, аргументы *ad hominem* оказываются мощным средством воздействия на аудиторию даже тогда, когда доказательств, поддерживающих обвинение, мало или совсем нет (цит. по: [Климов, 2006, с.123]).

Выделяют несколько видов *argumentum ad hominem*, однако по этому вопросу у авторов наблюдаются расхождения. Объем статьи не позволяет подробно проанализировать сильные и слабые стороны теорий, но соответствующая аналитическая работа убедила нас в том, что наиболее приемлемыми для целей настоящего исследования являются прагматическая теория аргументации Ф. Ееме-

мерена и Р. Гроотендорста и теория, разработанная Д. Уолтоном.

Ф. Еемемерен и Р. Гроотендорст выделяют три варианта нападок на личность оппонента: оскорбляющий, обстоятельный и так называемый «*tu quoque*». Первый вариант характеризуется критикой таких качеств оппонента, как ум, характер и честность. Д. Уолтон называет этот тип «абьюзивным», описывает его как прямую атаку на личность оппонента и добавляет, что очень часто в фокусе атаки оказывается надежность оппонента. В «обстоятельном» варианте *argumentum ad hominem* «предпринимаются попытки вызвать подозрение относительно мотивов, по которым оппонент высказывает свою точку зрения или сомнение: он заинтересован в этом деле и поэтому причастен» [Еемемерен, 1992, с. 102]. Так, Г.А. Зюганов в интервью газете «Правда» обвиняет правительство в том, что, заявляя о признании независимости Абхазии и Северной Осетии, президент и другие чиновники на самом деле преследовали цель «произвести впечатление на избирателя»: *Многочисленные заявления делались президентом, министром иностранных дел и другими российскими официальными лицами в расчете произвести впечатление на российского избирателя. Его хотели уверить в том, что в российской политике — не только внутренней, но и внешней — наступают новые времена. Страна, дескать, перестает пятиться назад под нажимом своих геополитических противников и начинает проводить твердый, отвечающий ее национальным интересам курс. <...> Надо было перед думскими и президентскими выборами изобразить из себя таких рыцарей-патриотов, заботливых отцов народа. В этих целях придумали несколько рахитичных национальных проектов. Бросили кое-какие подачки населению, сделали вид, что наводят в государстве порядок и борются с коррупцией. Заодно постарались выдать себя за решительных защитников интересов России вовне, стали хмурить брови и говорить «на басах». Это многим избирателям понравилось.*

Д. Уолтон предлагает иную характеристику обстоятельного вида *argumentum ad hominem*. В соответствии с его подходом, «обстоятельный» вид подразумевает противоречие или прагматическое несоответствие

того, что говорит оратор, некоторым пропозициям, явно или неявно выраженным в обстоятельствах его личной жизни. Другими словами, обстоятельственный аргумент *ad hominem* строится на некотором практическом несоответствии между аргументами оратора и определенными проявлениями его личности или жизненными обстоятельствами» (цит. по: [Климов, 2006, с.125]). В качестве примера приведем отрывок из выступления А.Е. Клычкова, доверенного лица Г.А. Зюганова, в ходе предвыборных дебатов на канале Россия. Обращаясь к В.В. Жириновскому, оратор отмечает несоответствие между предвыборной программой политика и реальными действиями его партии: *В своей программе Вы написали, что собираетесь поддерживать военных, так что же вы делаете? Вы приняли закон о монетизации льгот, который лишил их последней надежды на жизнь, «поставил на колени» всех военных, у них нет теперь ни социальных гарантий по оплате жилья, у них нет надежды на обучение своих детей, к чему вы ведете военных?*

Ф. Еемерен и Р. Гроотендорст также выделяют подобный тип атаки на личность, однако они обозначают его термином «*tu quoque*». По их словам, в этом варианте *argumentum ad hominem* «делаются попытки найти противоречие в словах оппонента и в его поступках, и таким образом, подорвать доверие к нему» [Еемерен, 1992, с.102]. Тот же вариант, что Ф. Еемерен и Р. Гроотендорст называют «обстоятельственным», у Д. Уолтона носит название «аргумент от предвзятости». «Фактически это заявление о том, что оппонент пропагандирует выгодную для себя позицию, ведет переговоры, исходя из собственных клановых интересов, а не занят открытым всесторонним обсуждением проблемы – критической дискуссией, где приводимые аргументы представляют рассматриваемую тему со всех сторон» (цит. по: [Климов, 2006, с.125]). Частным случаем аргумента от предвзятости Д. Уолтон называет «отравление источника» (*poisoning the well*). «Суть его в следующем. Оратор заявляет, что его оппонент является пристрастным сторонником определенной точки зрения и поэтому всегда будет исходить из своего специфического интереса или позиции. Отсюда следует, что утверждения противника нельзя воспринимать серьезно и буквально, считать

их базирующимися на реальном основании, предполагается, что заинтересованность говорящего стала еще больше. Его приверженность своей особой точке зрения или позиции теперь настолько сильна и стабильна, что его аргументы не опираются на независимые факты, но всегда направлены на пропаганду этой позиции» (цит. по: [Климов, 2006, с.126]).

Что же касается аргумента «*tu quoque*» («ты тоже»), то Д. Уолтон характеризует его следующим образом. «Это выражение очень подходит для аргументов, при которых на обвинение в совершении какой-то ошибки или несоответствии определенным требованиям отвечают “И ты такой же” или: “И ты тоже совершаешь такие промахи”. Еще чаще выражение *tu quoque* используется, когда какой-либо аргумент “отбивается” тем же самым аргументом» (цит. по: [Климов, 2006, с. 126]). Так, когда в ходе предвыборных теледебатов кандидат Чжон Донг Енг заявляет о том, что не верит заявлениям прокуратуры о непричастности кандидата Ли Мен Бака к финансовым махинациям, Ли Мен Бак задает вопрос: «대한민국의 검찰을 안 믿는다는데, 그러면 범죄자의 이야기는 믿는다는 것이냐» (*Если Вы говорите, что не доверяете прокуратуре Республики Корея, в таком случае Вы доверяете бандитам?*), пытаясь таким образом обвинить оппонента в связи с преступным миром. В ответ на это Чжон Донг Енг выдвигает подобное обвинение в адрес Ли Мен Бака: «이명박 후보는 범죄자의 이야기를 믿느냐고 하지만 이 후보는 범죄자와 동업하지 않았느냐, 그것도 나라의 미래를 위해서가 아니라 사리사욕을 위해 동업한 것이 아니냐 대답하라». (*Ли Мен Бак, вот Вы спрашиваете, верю ли я бандитам, так скажите же, разве не Вы сами имели с преступниками общий бизнес? И все это не в интересах будущего страны, а только ради Вашей собственной выгоды?*)

Выступления и обращения политических деятелей, особенно в период предвыборной борьбы, изобилуют примерами атаки на личность. Подтверждение тому можно найти в дискурсе как российских, так и корейских политиков, активно использующих все обозначенные выше виды *argumentum ad hominem*.

Несмотря на то что оскорбляющий, или абьюзивный, вариант *argumentum ad hominem* является довольно грубой формой

проявления агрессии и из-за отсутствия реальных доказательств может показаться неубедительным, политики, увлеченные борьбой за власть, не пренебрегают соответствующей лексикой и довольно широко используют ее в своем дискурсе.

Как в русском, так и в корейском ПД чаще всего критике и сомнению подвергаются такие человеческие качества, как честность, надежность, законопослушность. Оппоненты выставляются лжецами, ненадежными людьми, преступниками. Приведем лишь некоторые характерные номинации из дискурса корейских и российских политиков: 거짓말장이 (лжец, вран), 얕체 (бессовестный), 신용이 탈락한 (потерявший доверие), 거짓말투성이 (заврававшийся, досл. весь во лжи), 범죄 피의자 (подозреваемый в преступлении) (박정영 Пак Чжон Енг); 불안한 후보 (ненадежный кандидат), 의혹투성이 후보 (подозрительный кандидат, досл. весь окутанный подозрениями), 본선에서 문어질 후보 (досл. кандидат, который разрушится на главном пути); 참 나쁜 대통령 (очень плохой президент) (박근혜 Пак Гын Хе); 범죄자 (преступник), 사기꾼 (мошенник), 부패와 결탁된 지도자, 부패 속에서 태어난 지도자, 부패와 한 몸인 지도자는 국민을 이끌 수 없습니다 (лидер, связанный с коррупцией лидер, рожденный в коррупции, лидер, сросшийся с коррупцией не может вести за собой народ) (정동영 Чжон Донг Енг); 국정에 실패하고 서민들 삶을 벼랑 끝으로 내몰아 저우건 (тот, чья политика закончилась провалом, тот, кто привел народ на край пропасти) (이명박 Ли Мён Бак); 부패하고 실패한 분 (коррупцированные неудачники), 무능한 사람 (неспособные люди), 몸이 가벼워서 철새처럼 갔다 왔다 하는 («легок на подъем» и мечется туда-сюда, как перелетная птица) (문국현 Мун Гук Хён).

Аферисты, авантюристы, преступники, лжецы, жулики, проходимцы, ничего не знают, ничего не умеют (Жириновский), правительство дилетантов, воры, безответственные люди, люди, неспособные управлять страной, беспомощное правительство (Зюганов), человек, который предаст своих избирателей (Богданов о Жириновском).

Порой атака на личность принимает очень резкие формы, и тогда в речи политиков

можно встретить даже вульгаризмы и бранную лексику: *파티아 придурков и сумасшедших (Жириновский о ДПР), больной, шизоид, сумасшедший, очковтиратели, подонки и др. (Жириновский)*. Однако поскольку политический дискурс является институциональной формой общения, где правила и нормы четко регламентированы, такие примеры, хотя и имеют место, встречаются не часто.

Отметим, что помимо указанных выше качеств (честность, надежность и законопослушность), в политическом дискурсе критике также подвергается ум оппонента: 무능 (неспособные), 비리 (неразумные), дилетанты, сумасшедшие, ничего не знают, ничего не умеют и т.п.

Что касается обстоятельственного варианта *argumentum ad hominem* («аргумент от предвзятости» у Д.Уолтона), то, когда речь идет о предвыборных баталиях, оппонент чаще всего обвиняется в том, что заинтересован в своей победе, а не в реальном обсуждении и решении тех проблем, о которых он говорит. Иными словами, приводимые им аргументы направлены не на разрешение критической дискуссии, а приводятся лишь с целью привлечь на свою сторону как можно больше потенциальных избирателей.

Так, рассуждая в интервью газете «Московская правда» о национальной культуре, традициях, морали, нравственности и внутреннем развитии человека, Г.А. Зюганов в ответ на замечание журналиста о том, что этой проблеме уделяют внимание и другие партии и «теперь даже Путин заговорил не только о нефти и газе, а о развитии человека», заключает: *Только непонятно, каким образом это будет достигаться. Партия наша обо всем этом говорит постоянно. А тут вдруг спохватились. Что это, как не предвыборный пиар?*

Таким образом, политик пытается обвинить соперников в том, что заговорить о столь важной проблеме их заставило не что иное, как заинтересованность в собственной выгоде, а именно, победе на выборах.

Этот же вариант *argumentum ad hominem* с тем же пропозициональным наполнением находим в выступлении кандидата на пост президента РК Вон Хи Рёна.

여러분, 지금 잘나가는 후보들은 아무 리 목이 터져라 응원하고 도와줘도 모두

가 헛방입니다. 그 잘나가는 분들이 이번 경선 끝나면 여러분의 얼굴이라도 기억할 것 같습니까? (*Дорогие избиратели, даже если вы поддержите этих кандидатов, показывающих себя с лучшей стороны, и будете «болеть» за них, надрывая свое горло, это ни к чему не приведет. Вы думаете, эти «выдающиеся» кандидаты, вспомнят о вас после окончания предвыборной кампании? (досл. вспомнят хотя бы ваши лица).*)

В дискурсе политиков, борющихся за победу на выборах, встречается и третий вариант *argumentum ad hominem*, «*tu quoque*», во всех его вариантах.

Следующий пример иллюстрирует случай употребления «*tu quoque*» (то, что Д. Уолтон называет обстоятельством вариантом *argumentum ad hominem*), когда протагонист выражает сомнение в честности, надежности антагониста в связи с тем, что в его действиях или словах наблюдается противоречие:

어제 이른바 동영상 나왔을 때 본인의 입으로 «내가 비비케이 설립했다.», «28% 첫 해부터 수익 냈다.», «내가 미국가서 준비하고 와서 인터넷금융그룹 세웠다»고 이렇게 당당하게 말해놓고 몇 년 지나지 않아서 «나는 아무런 관계가 없다.» «검찰은 또 무혐의다». (*Еще вчера во время так называемой «прямой трансляции» он (Ли Мён Бак) сам (досл. своим собственным ртом) уверенно заявлял: «Это я основал компанию ВВК»¹, «Я добился того, что доходы за первый год составили 28%», «Обучившись в Америке, я вернулся и основал инвестиционную интернет-группу», но не прошло и несколько лет, как он отрицает все это: «Я не имею к этому никакого отношения», «Я вне подозрений прокуратуры»)*) (Чжон Донг Енг о Ли Мен Баке).

Подчеркивая непоследовательность и противоречивость заявлений своего соперника по предвыборной гонке, Чон Дон Ен пытается подорвать доверие избирателей к нему.

Н.В. Гоц, доверенное лицо кандидата в президенты от Демократической партии России А.В. Богданова, в ходе предвыборных теледебатов на канале «Звезда» также обвиняет В.В. Жириновского в том, что он противоре-

чив в своих действиях и заявлениях и тем самым предает своего избирателя:

Всячески отрицая очередную какую-нибудь инициативу правительства, будь то налоговый новый кодекс, трудовой кодекс или ещекакой-нибудь, ругая всех, упрекая всячески отрицая важность того документа, который выносятся на обсуждение Государственной Думы, затем вы предаете, по сути, всех ваших избирателей, ваша фракция, как один, кроме вас, это очень важно отметить, Владимир Вольфович лично не предает, он дает команду, чтоб предала целая фракция, так вот, затем все голосуют за этот закон, даже антинародный закон, а Владимир Вольфович «чистенький и пушистенький» говорит: «А я не голосовал».

Иначе говоря, Н.В. Гоц разоблачает лидера ЛДПР, который фактически, оставаясь верным своему слову и не поддерживая законопроект, на самом деле отдает тайные указания, противоречащие его позиции.

Как видно из приведенных примеров, атака на личность является весьма распространенным аргументом в политическом дискурсе. Объяснение столь частому обращению политиков к *argumentum ad hominem* в предвыборных агитационных выступлениях найти несложно. Здесь прослеживается связь с базовой семиотической оппозицией политического дискурса – «свой» – «чужой». Разграничение «своих» и «чужих», создание образа «МЫ-группы» через очернение противника – традиционный прием предвыборной борьбы [Иссерс, 2002, с.160]. Оппозиция «свой» – «чужие» определяет специфику политического, так же как оппозиция «добро» – «зло» является базовой для области морального, «прекрасное» – «безобразное» в области эстетического, «полезное» – «вредное» или «рентабельное» – «нерентабельное» в сфере экономического. Любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к оппозиции «друг» – «враг», производимыми от нее [Шейгал, 2000, с. 121].

Очень часто в круг «своих» оратор-политик включает избирателей и весь народ в целом, и это, скорее всего, уже является определенным риторическим приемом, так как делается это с намерением подчеркнуть единство с избирателями, близость с народом. Заметим, что

1. ВВК – инвестиционная компания, причинившая вследствие финансовых махинаций огромные убытки тысячам вкладчиков. Ли Мен Бак подозревается в причастности к деятельности этой компании.

такой прием установления контакта в нейролингвистическом программировании, называемый «присоединением», очень распространен при манипулятивном воздействии. Прием «присоединения» широко используется в политической демагогии при обращении лидера к народу в целях отождествления себя с аудиторией [Шейгал, 2000, с. 131]. Все же, кто остается вне этого единства, – «чужие». Само существование «чужого» несет опасность, угрозу, а следовательно, с ним надо бороться. Таким образом, пытаясь понизить и ослабить статус «чужого», участники политической коммуникации стремятся сохранить и усилить собственный статус. Говорящим в этом случае движет архетипичное бессознательное стремление уничтожить «чужого» в целях самосохранения.

Отметим также, что в качестве «чужого» в политическом дискурсе может выступать не конкретное лицо или партия, а некий собирательный объект, «все остальные, кроме меня», кроме «своих». Такая «атака против всех» очень часто наблюдается в ходе предвыборной борьбы.

Сравним следующие высказывания:

다른 후보들이 부패 때문이든 비리 무능, 국민좌절 준 것 때문에, 지금 빠지는 썰물 같고, 떨어지는 저녁해와 같거든요. 국민 민심과 멀리 있는 분들이고 자신의 세력을 한번 더 연장해보려는 것이지, 국민 위주로 생각하는 게 아니거든요 (문국현). (Другие кандидаты сейчас, как морская вода во время отлива, как уходящее солнце на закате, из-за коррупции, из-за собственной бездарности и неразумности, из-за того, что потеряли доверие народа. Они далеки от народа, они просто пытаются в очередной раз укрепить свои силы, они же не думают о народе. Из интервью с кандидатом на пост президента РК Мун Гук Хёном).

Ср. также:

Уважаемые избиратели. Сейчас по телевидению очень много идет телевизионных шоу, современных, интересных, и я думаю, то шоу, которое вы смотрите уже 17 лет, с одними и теми же исполнителями, всем уже надоело. Поэтому я и решил идти в президенты. Я могу сказать, что мне это надоело. Выберите из этих серых партийных лиц новое и молодое лицо (из выступления лидера ДПП А.В.Богданова).

В обоих приведенных выше высказываниях критика направлена не на конкретного человека, соперника говорящего, а на некий собирательный образ. В первом случае антагонист сразу обозначает его «다른 후보들이» (*другие кандидаты*), т.е. «другие», «чужие», «все, кроме меня». Во втором – подразумевает. «Серые партийные лица» – это те, кто неизменно участвует в борьбе за власть уже 17 лет, те, чье «шоу всем уже надоело»; в противопоставление им он – «новое и молодое лицо». Таким образом, в обоих примерах прослеживается описанная выше оппозиция «свои» – «чужие». Также в обоих случаях антагонист использует обвинительный вариант *argumentum ad hominem*. При этом аргументы, приводимые в данных высказываниях, имеют сходное содержание: «국민좌절» (*потеряли доверие народа*) – «*всем уже надоело*», «국민 민심과 멀리 있는 분들» (*они далеки от народа*), «국민 위주로 생각하는 게 아니다» (*они не думают о народе*) – «*исполнители телешоу*».

Называя соперников «исполнителями телешоу», протагонист, во-первых, преследует цель вывести их за круг «своих», подчеркнуть их обособленность от народа: «исполнители» находятся по ту сторону экрана, народ уже 17 лет смотрит это телешоу по эту сторону. Во-вторых, используя номинацию «исполнители», оратор стремится нанести удар по честности и добропорядочности оппонентов. Толковый словарь современного русского языка дает следующие дефиниции этого слова: «исполнитель – лицо, исполняющее что-нибудь (приказы, желания, поручения); артист, исполняющий на сцене какую-нибудь роль» [Ушаков, 2000]. Заметим, что речь идет об исполнении действий, указанных кем-то, написанных кем-то ролей, то есть сам исполнитель свободы выбора действий не имеет. Кроме этого, слово «артист», используемое для определения номинации «исполнитель», согласно тому же словарю, имеет переносные значения: «ловкач, плут, мошенник». Иными словами, оппоненты обвиняются в несамостоятельности в выборе действий и непорядочности.

В корейском примере антагонист также обвиняется в нечестности: 부패 (*коррупция*). Нападкам подвергаются такие качества оппонентов, как умственные способности.

Однако в то время как в корейском варианте протагонист прямо обвиняет «других кандидатов» в «неразумности и неспособности» (비리 무능), в русском протагонист более сдержан и называет оппонентов «серыми партийными лицами». Но очевидно, что он подразумевает под этими «серыми лицами». Согласно большому толковому словарю современного русского языка, прилагательное «серый» используется не только для обозначения цвета, но и имеет такие переносные значения, как «ничем не замечательный, заурядный, неинтересный», и даже такие пренебрежительные, как «необразованный, малокультурный, находящийся на низкой ступени развития» [Ушаков, 2000]. Поэтому можно заключить, что и в этом случае наполнение *argumentum ad hominem* то же самое.

В вышеуказанном примере корейский политик также апеллирует к обстоятельству (к «предвзятому» в теории Д. Уолтона) *argumentum ad hominem*: . 자신의 세력을 한번 더 연장해보려는 것이지 (они просто пытаются в очередной раз укрепить свои силы).

Обращает на себя внимание тот факт, что ценности, упомянутые в приведенных выше примерах, универсальны. Это не может не вызвать вопроса о пропозициональном наполнении *argumentum ad hominem* в корейском и русском политическом дискурсе. Ведь Россия и Корея – страны с абсолютно разной историей, культурой, традициями и, следовательно, сформировали в ходе исторического развития разные системы ценностей. Это касается как общей системы базовых ценностей, образующих своеобразный ценностный архетип менталитета народа, так и отдельных ее подсистем. В данном случае нас интересуют ценностные характеристики личности, определяющие положительную или отрицательную оценку ее социумом. На основании этого можно предположить, что аргументация, в основе которой лежат ценности, будет носить выраженный этнокультурный характер.

В Корею на протяжении веков положительную оценку человека определяли такие ценности, как уважение к традиции, истории, преклонение перед предыдущими поколениями, почитание старших (это

явление в Корею имеет специальное название «сыновняя почтительность»). Важность «сыновней почтительности» в системе ценностей корейского народа доказывают следующие факты:

1) государственная телерадиовещательная компания Кей-Би-Эс регулярно выпускает теле- и радиoprogramмы на тему «сыновней почтительности»;

2) ежегодно с 1975 года в Корею присуждается «Премия сыновней почтительности»;

3) академия корееведения сделала сыновнюю почтительность предметом академического изучения и ведет постоянную исследовательскую работу в этом направлении;

4) в городе Сувон находится «Крепость сыновней почтительности»;

5) высший колледж корееведения Дальневосточного госуниверситета во Владивостоке также является памятником сыновней почтительности;¹

6) в Сеуле проводится международная конференция на тему «Сыновняя почтительность и будущее общества». Позицию участников конференции описывает в книге «Корея на перекрестке эпох» Т.М. Симбирцева: «Мудрость и доброта – главное в конфуцианском учении. Сыновняя почтительность хё – основа мудрости и доброты. Следовательно, хё – это основа учения. Без нее не может быть ни гармонии в семье, ни стабильности в государстве» [Симбирцева, 2000, с. 26] Здесь же Т.М. Симбирцева приводит примеры сыновней почтительности и уважения к семье и предкам из корейской истории. Отмечается, что человек оценивается в большей степени не по тем достижениям, которых он добился на своем профессиональном поприще, а по тому, каким он был сыном, как исполнял свой долг перед семьей. «Почтительные потомки поставили в память о своем выдающемся предке (поэте Ким Саккате) гранитную стелу у подножия горы Мудын около города Кванджу. Примечательно, что они гордятся не столько литературным даром пращура, сколько его соответствием высшим моральным принципам конфуцианства. То же самое можно сказать и о выдающемся каллиграфе и поэтессе Син Са-

1. Здание колледжа было построено в 1994-1995 гг. президентом крупной южнокорейской фирмы «Кохап» Чан Чихёком в память о своем отце Чан Добине, борце за национальную независимость Кореи против японских колониалистов, который в 1913-1916 гг. жил во Владивостоке.

имдан, которую больше почитают как преданную дочь и мать философа Ли И (Юльгока), чем как деятеля культуры. Выдающийся писатель Ким Сисып больше известен соотечественникам как верный подданный, не пожелавший перейти на службу к узурпатору, изгнавшему с трона малолетнего законного короля, чем литератор. Такова шкала ценностей» [Симбирцева, 2000, с. 28].

«Он происходит из хорошей семьи – такая похвала значит в корейском обществе намного больше, чем в российском, и является не субъективным мнением говорящего, а объективным фактом, который подтверждают десятки поколений предков, зафиксированных в родословных, и аккуратно убранные могилы на склонах холмов» [Маслов, 2003]. «Сегодня, как и столетия назад, сыновняя почтительность для корейца почетная обязанность и награда, источник радости, мыслей и переживаний, фундамент достоинства, мерило человечности» [Симбирцева, 2000, с. 33].

Сыновняя почтительность определяет еще одну важную ценность современного корейца – образованность. «В представлениях современных корейцев, как и сотни лет назад, степень почтительности сына к родителям определяется уровнем образования, который ему удалось получить. Существует твердое убеждение, что физический труд – дело низменное, недостойное истинного достойного мужа. Достойный конфуцианский муж – человек, в первую очередь, образованный, владеющий иероглификой, сдавший все возможные экзамены и добившийся чинов и достойного положения в обществе» [Симбирцева, 2000, с. 38].

Очевидно, что такие ценностные ориентиры имеют мало общего со сложившейся в России традицией. Та же Т.М. Симбирцева отмечает, что «на Руси идеальным мужчиной издавна был богатырь, способный защитить родину и семью от врагов, хорошо работать в поле и иметь много детей» [Симбирцева, 2000, с.38].

О ценностных приоритетах русского народа пишет А.И. Субетто в статье «Ценности в системе общественного интеллекта. Ценностная война и защита ценностной самоидентификации российской цивилизации»: «Суровые условия воспроизводства жизни на евразийском континенте (рисковое земледелие, су-

ровая земля), большое количество агрессий, которое пришлось пережить народам России, особенно русскому народу, породили ценностный архетип русской культуры и культур других народов России, в которых высоким приоритетом обладали ценности Родины – Отечества, родимой земли (мати-сира земля, родимая сторонущка, здесь русский дух – здесь Русью пахнет), подвига (подвижничества), служения (народу, стране, государству), общинности, коллективизма (клич Александра Невского “За други своя”), соборности, братства, взаимопомощи, дружбы, любви, семьи, почитания родителей и предков, социальной справедливости, равенства, правды, труда» [Субетто, 2003].

Таким образом, неизменными базовыми ценностями русского человека на протяжении веков оставались примат духовного над материальным, соборность, любовь и служение отечеству, готовность к защите отечества, труд, справедливость, любовь к земле, примат государства над личностью.

Из всего вышесказанного следует, что ценности, определяющие положительную/отрицательную оценку личности обществом, в Корею и России имеют выраженную этнокультурную специфику. Резонно было бы предположить, что и ценности, положенные в основу *argumentum ad hominem* в корейском и русском политическом дискурсе, будут различны, и аргументация будет принимать в этом случае выраженный этнокультурный характер. Однако, как показывают проанализированные примеры, русские и корейские политики, используя *argumentum ad hominem*, апеллируют к одним и тем же ценностным характеристикам. Это «честность», «надежность», «ответственность», «законопослушность». Иными словами, когда коммуникация переходит в политическую плоскость, нивелируются различия в системе ценностей, происходит сближение дискурсов.

Таким образом, аргументативное высказывание в политическом дискурсе приобретает черты универсального, по крайней мере, в условиях *argumentum ad hominem*. Учитывая значительные различия историко-культурного плана, можно сделать вывод, что глобализация затронула область политической коммуникации и общее политическое пространство, о котором так

много говорят в последнее время, имеет реальные общие концептуальные опоры.

Библиографический список

1. *Еемерен, Ф. Х.* Аргументация, коммуникация и ошибки [Текст] / Ф.Х. Еемерен, Р. Гроотендорст: пер. с англ. – СПб. : Васильевский остров, 1992.
2. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002.
3. *Климов, И.А.* Выписки из книги Д. Уолтона «Аргументы ad hominem» [Электронный ресурс] / И.А. Климов // Социальная реальность. – Фонд «Общественное мнение». – 2006. – №10. – С. 122–139. – Режим доступа : <http://socreal.fom.ru/english/?link=ARTICLE&aid=230>.
4. *Маслов, А.А.* Сыновняя почтительность. Отправление обрядов почитания предков в настоящее время [Электронный ресурс] / А.А. Маслов. – 2003. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/47109>.
5. *Симбирцева, Т.М.* Корея на перекрестке эпох [Текст] / Т.М. Симбирцева. – М. : Муравей-Гайд, 2000.
6. *Субетто, А.И.* Ценности в системе общественного интеллекта. «Ценностная война» и защита ценностной самоидентификации российской цивилизации [Электронный ресурс] / А.И. Субетто. – «Академия Тринитаризма», 2003. – Режим доступа : <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120111.htm>.

7. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – Москва – Волгоград : Перемея, 2000.
8. *Ушаков, Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – 2000. – Режим доступа : <http://ushdict.narod.ru>.
9. *Eemeren, F.H.* The (Un)Reasonableness of Ad Hominem Fallacies [Электронный ресурс] / F.H. van Eemeren // Journal of Language and Social Psychology. – 2000. – №19. – P. 416–435. Режим доступа : http://argumentation.ru/2000_1/papers/1_2000p2.htm.

Список источников примеров

1. <http://kprf.ru> [Электронный ресурс].
2. <http://rutube.ru> [Электронный ресурс].
3. <http://politvideo.com> [Электронный ресурс].
4. <http://www.pressian.com> [Электронный ресурс].
5. <http://cafe.daum.net/HumanSpeech/> [Электронный ресурс].
6. <http://blog.daum.net/jeangdoryoung/> [Электронный ресурс].
7. <http://kr.blog.yahoo.com> [Электронный ресурс].

УДК 811.11
ББК 81.432.1

Н.Ю. Петрова

КАТЕГОРИЯ КОГЕРЕНТНОСТИ В ТЕКСТАХ АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЫ

В статье дается краткий обзор основных подходов к категории когерентности в отечественной и зарубежной лингвистике. На примере основного корпуса текстов английской драмы выявляется текстообразующая роль рассматриваемой категории, а также прослеживается, как различные языковые средства обеспечивают тексту локальную и глобальную связность.

Ключевые слова: *тексты английской драмы; конститутивные категории; когезия и когерентность; лингвокогнитивный анализ; основной корпус текстов*

N.Y. Petrova

THE CATEGORY OF COHERENCE IN THE TEXTS OF ENGLISH DRAMA

The article gives a brief survey of various approaches to the category of coherence in Russian and foreign linguistics. The constitutive role of the category is analyzed on the basis of the main corpus of the texts of English drama where it is represented by local and global coherence.

Key words: *texts of English Drama; constitutive categories; cohesion and coherence; lingvocognitive analysis; the main corpus of the texts*